

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ / LEGAL PSYCHOLOGY AND SECURITY PSYCHOLOGY

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.146.84>

О ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ В СВЕТЕ ПЕРЕОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТОВ СТЭНФОРДСКОГО ТЮРЕМНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Научная статья

Егоров Д.Г.^{1*}, Манойлова М.²

¹ORCID : 0000-0001-7122-3699;

¹ Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний России (Псковский филиал), Псков, Российская Федерация

² Псковский государственный университет, Псков, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (de-888[at]ya.ru)

Аннотация

Стэнфордский тюремный эксперимент долгое время был эталонным образцом, практически в обязательном порядке включался в учебники по психологии, в том числе и психологии пенитенциарной. На его основе проводилась работа с персоналом пенитенциарных учреждений в США и ряде других стран. Вывод, который сделал Зимбардо: «Человеческая природа может кардинально трансформироваться под влиянием социального окружения», неоднократно использовался для скрытой апологетики жестокости. Однако, как убедительно показывают проведенный в последние годы рядом исследователей анализ первичных документов и отчетов, «Стэнфордский тюремный эксперимент», был не экспериментом, а спектаклем. Очевидно, что выводы по итогам Стэнфордского тюремного эксперимента были сделаны еще до «эксперимента», на основе бихевиористской модели психики. Но это является серьезным аргументом в пользу того, что бихевиористская модель психики неадекватна, и не должна лежать в основе каких-либо воспитательных мероприятий как с заключенными, так и с персоналом пенитенциарных учреждений. Важно отметить, что бихевиористская модель психики противоречит также и российским национальным традициям, ибо является скрытой апологетикой снятия моральной ответственности за свои поступки.

Ключевые слова: Зимбардо, Ле Тексье, психология, Стэнфордский тюремный эксперимент, уголовно-исполнительная система.

ON PSYCHOLOGICAL WORK IN THE RUSSIAN PENAL SYSTEM IN THE LIGHT OF REASSESSMENT OF THE RESULTS OF THE STANFORD PRISON EXPERIMENT

Research article

Egorov D.G.^{1*}, Manoilova M.²

¹ORCID : 0000-0001-7122-3699;

¹ Saint Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia (Pskov branch), Pskov, Russian Federation

² Pskov State University, Pskov, Russian Federation

* Corresponding author (de-888[at]ya.ru)

Abstract

The Stanford Prison Experiment has long been a reference model, and was almost obligatory included in textbooks on psychology, including penitentiary psychology. It was used as a basis for work with prison staff in the United States and a number of other countries. Zimbardo's conclusion: "Human nature can be radically transformed under the influence of social environment" was repeatedly used for hidden apologetics of cruelty. However, as analyses of primary documents and reports conducted in recent years by a number of researchers have convincingly shown, the "Stanford Prison Experiment", was not an experiment but a spectacle. Obviously, the conclusions of the Stanford Prison Experiment were drawn before the "experiment", on the basis of the behaviourist model of the psyche. But this is a serious argument in favour of the fact that the behaviourist model of the psyche is inadequate, and should not form the basis of any educational interventions with both prisoners and prison staff. It is important to note that the behaviourist model of the psyche also contradicts Russian national traditions, because it is a hidden apologetics of the removal of moral responsibility for one's actions.

Keywords: Zimbardo, Le Texier, psychology, Stanford Prison Experiment, penal system.

Введение

В настоящее время уголовно-исполнительная система России не имеет такой официальной цели деятельности, как «исправление» осужденных. Это отражено уже в смене названия «уголовно-исправительная система» на «уголовно-исполнительная система». Однако по существу очевидно, что эта цель за ведомством по факту осталась. Почему мы это заключаем? Это следует уже из существования такого института уголовно-исполнительной системы, как психокоррекционная работа с заключенными. Важно отметить также, что это связано и с интегральной оценкой общественно-социальной эффективности работы юридической системы государства как целого (и уголовно-исполнительной системы, как его части), – о ней в значительной степени судится по параметру величины рецидива. Но ведь чтобы рецидив стал невозможен, человек должен измениться.

Как именно? В готовности соблюдать законы (юридические нормы).

С другой стороны, существует потребность и в психологической работе с сотрудниками уголовно-исполнительной системы, ввиду очевидной стрессогенности профессии, и связанного с этим повышенного риска профессионального «выгорания».

Здесь возникает вопрос о базовых моделях, определяющих общее направление и конкретные психологические техники работы в уголовно-исполнительной системе России.

В связи с принятием Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», мы считаем, что психологическая работа в уголовно-исполнительной системе России должна основываться не на западных, а российских национальных ценностях [1. С. 174–188].

Этот тезис становится особенно актуальным в современной ситуации – ситуации глобального геополитического противостояния России и Запада, в основе которого – фундаментальные мировоззренческие различия.

Основные результаты

А теперь перейдем к описанию Стэнфордского тюремного эксперимента, и покажем, чем он значим для нашей работы.

Стэнфордский тюремный эксперимент, состоявшийся в августе 1971 года под руководством Ф. Зимбардо [2], [3], [4], [5], долгое время был эталонным образцом, практически в обязательном порядке включался в учебники по психологии, в том числе и психологии пенитенциарной. На его основе проводилась работа с персоналом пенитенциарных учреждений в США и ряде других стран.

Исследователи из Стэнфордского университета в США, возглавляемые Филиппом Зимбардо, набрали 24 молодых человека для участия в исследовании тюремной жизни. Добровольцам случайным образом распределили роли либо охранников, либо заключенных, а затем предоставили самим себе на две недели в специально построенной на территории университета имитации тюрьмы. Далее, как описал Ф. Зимбардо в своей книге [4], охранники становились все более жестокими по отношению к заключенным, которые сами становились все более депрессивными и озлобленными, и в конце концов эксперимент пришлось остановить (всего через шесть дней – во избежание суицида, увечий, и т.д.).

Выводы, которые сделал Зимбардо, были сенсационными – и в последующие годы неоднократно вновь становились сенсацией (когда о знаменитом эксперименте вспоминали журналисты, ученые или политики):

«Хороших людей можно заставить, соблазнить, склонить к плохому (иррациональному, глупому, саморазрушающему, антисоциальному) поведению, погрузив их в «тотальные ситуации»...» [2, С. 220].

«Человеческая природа может трансформироваться под влиянием определенного социального окружения столь же кардинально, как и в захватывающей истории доктора Джекилла и мистера Хайда» [2, С. 221].

«Тюрьмы – это место, где попираются принципы гуманности, разрушается благородство человеческой природы и подвергаются деградации социальные отношения среди людей. ... Тюрьмы – это провалившийся социально-политический эксперимент...» [2, С. 224].

Широко внедренные через средства массовой информации, заключения Ф. Зимбардо с тех пор неоднократно использовались для апологетики жестокости: эти выводы, помимо прочего, снижают степень вины преступников: если окружающая среда достаточно негативна, то угнетение и насилие возникнут «естественным образом», ибо «когда хорошие люди попадают в тяжелые ситуации, они неизбежно становятся плохими». Известны работы и отечественных исследователей, основанные на результатах Ф. Зимбардо [6], [7].

Однако, как убедительно показывают проведенный в последние годы рядом исследователей [8], [9] анализ первичных документов и отчетов, «Стэнфордский тюремный эксперимент», был не экспериментом, а спектаклем: как пишет Ле Тексье [9], из найденных им документов и доступных на сайте Стэнфорда оцифрованных пленок, которые каждый может прочесть и услышать сам, следует, что Зимбардо врал обо всем: о том, как и кем эксперимент был придуман, о том, как и кого набирали в участники, о том, какие инструкции им давали. Эксперимент действительно вышел из-под контроля, но в смысле, *противоположном* интерпретациям Зимбардо: надзиратели чем дальше, тем больше переставали слушаться инструкций и их отношения с заключенными становились всё лучше и лучше, грозя сорвать главную цель Зимбардо, которая была совсем не научной, а политической: ужаснуть американцев и заставить политиков провести реформу американских тюрем.

Обсуждение

Что следует из того, что одна из самых знаменитых фальсификаций в истории психологии была в последние годы разоблачена? Очевидно, что выводы по итогам Стэнфордского тюремного эксперимента были сделаны еще до «эксперимента», на основе бихевиористской модели психики. Но это является серьезным аргументом в пользу того, что бихевиористская модель психики неадекватна, и не должна лежать в основе каких-либо воспитательных мероприятий как с заключенными, так и с персоналом пенитенциарных учреждений. Этот вывод мы делали и ранее, до знакомства с работами Ле Тексье, – на основе в основном философской и научно-философской аргументации [10].

Важно отметить, что бихевиористская модель психики противоречит также и нашим национальным традициям (ибо является скрытой апологетикой снятия моральной ответственности за свои поступки). нашей национальной культуре, имеющей в качестве своего основания фундамент православия, свойственен совершенно другой взгляд на человека: как на, хотя и поврежденный грехом, но образ Божий. соответственно, человек в рамках такого подхода не является просто животным, он призван преодолеть свою животную сущность, перейти на моральный (собственно человеческий) уровень внутренней мотивации. Бихевиористская интерпретация Стэнфордского тюремного эксперимента предполагает, что личные нравственные усилия и моральный выбор детерминированы внешними обстоятельствами. Такая интерпретация противоречит смыслу и сущности этического учения как православия, так и других мировых религий, видящих смысл жизни человека именно в *личном выборе* между Добром и Злом.

Заключение

В заключение мы выскажем предположение, что наше исследование может представлять интерес для специалистов, занимающихся как вопросами психологической коррекции и ресоциализации осужденных, так и проблемами профессионального «выгорания» работников уголовно-исполнительной системы.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Егоров Д.Г. О русской идее / Д.Г. Егоров // *Философия хозяйства*. — 2023. — 1. — с. 174-188. — DOI: 10.5281/zenodo.7734253.
2. Зимбардо Ф. Дж. Стэнфордский тюремный эксперимент: что это было, как это началось и что из этого вышло / Ф. Дж. Зимбардо // *Развитие личности*. — 2016. — 3. — с. 212-228.
3. Маслах К. Взгляд стороннего наблюдателя на оборотную сторону Стэнфордского тюремного эксперимента / К. Маслах // *Развитие личности*. — 2016. — 3. — с. 229-234.
4. Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев / Ф. Зимбардо — Москва: Альпина нон-фикшн, 2018. — 740 с.
5. Хэйни К. Стэнфордский тюремный эксперимент. Изучение поведения заключенных и надзирателей в условиях имитирующих тюремное заключение / К. Хэйни, К. Бэнкс, Ф. Зимбардо // *Psyfactor.org*. — 2024 — URL: <http://psyfactor.org/lib/zimbardo2.htm> (дата обращения: 11.07.2024)
6. Мухина В.С. Меж двух огней: тюремный психолог / В.С. Мухина // *Развитие личности*. — 2007. — 4. — с. 106-120.
7. Лукшина О. Ю. Профессиональная роль и её значение в развитии симптомов "психического выгорания" пенитенциарных служащих / О. Ю. Лукшина // *Прикладная юридическая психология*. — 2013. — 1. — с. 59-65.
8. Haslam A.S. Rethinking the nature of cruelty: The role of identity leadership in the Stanford Prison Experiment / A.S. Haslam, S.D. Reicher, J.J. Van Bave. — 2018 — URL: <https://psyarxiv.com/b7crx/> (accessed: 11.07.2024)
9. Le Texier T. Histoire d'un mensonge: Enquête sur l'expérience de Stanford / T. Le Texier. — Paris: Zones. 2018. — 294 p.
10. Егоров Д.Г. Вопрос об источнике и основах морали как ключевой аспект психокоррекционной работы в пенитенциарной системе / Д.Г. Егоров, В.А. Романов // *Общество: философия, история, культура*. — 2020. — 6. — с. 26-29. — DOI: 10.24158/fik.2020.6.4 .

Список литературы на английском языке / References in English

1. Egorov D.G. O russkoj idee [About the Russian Idea] / D.G. Egorov // *Philosophy of Economy*. — 2023. — 1. — p. 174-188. — DOI: 10.5281/zenodo.7734253. [in Russian]
2. Zimbardo F. Dzh. Stenfordskij tjuremnyj eksperiment: chto eto bylo, kak eto nachalos' i chto iz etogo vyshlo [The Stanford prison experiment: what it was, how it started and what came of it] / F. Dzh. Zimbardo // *Personal Development*. — 2016. — 3. — p. 212-228. [in Russian]
3. Maslah K. Vzglyad storonnego nabljudatelja na oborotnuju storonu Stenfordskogo tjuremnogo eksperimenta [An outside observer's view of the other side of the Stanford prison experiment] / K. Maslah // *Personal Development*. — 2016. — 3. — p. 229-234. [in Russian]
4. Zimbardo F. Effekt Ljutsifera. Pochemu horoshie ljudi prevraschajutsja v zlodeev [The Lucifer Effect. Why good people turn into villains] / F. Zimbardo — Moskva: Al'pina non-fikshn, 2018. — 740 p. [in Russian]
5. Hejni K. Stenfordskij tjuremnyj eksperiment. Izuchenie povedenija zakljuchennyh i nadziratelej v uslovijah, imitirujuschih tjuremnoe zakljuchenie [The Stanford prison experiment. Studying the behavior of prisoners and guards in conditions simulating imprisonment] / K. Hejni, K. Benks, F. Zimbardo // *Psyfactor.org*. — 2024 — URL: <http://psyfactor.org/lib/zimbardo2.htm> (accessed: 11.07.2024) [in Russian]
6. Muhina V.S. Mezh dvuh ognjej: tjuremnyj psiholog [Between two fires: a prison psychologist] / V.S. Muhina // *Personal development*. — 2007. — 4. — p. 106-120. [in Russian]
7. Lukshina O. Ju. Professional'naja rol' i ee znachenie v razvittii simptomov "psihicheskogo vygoranija" penitentsiarnyh sluzhaschih [Professional role and its significance in the development of symptoms of "mental burnout" of penitentiary employees] / O. Ju. Lukshina // *Applied legal psychology*. — 2013. — 1. — p. 59-65. [in Russian]
8. Haslam A.S. Rethinking the nature of cruelty: The role of identity leadership in the Stanford Prison Experiment / A.S. Haslam, S.D. Reicher, J.J. Van Bave. — 2018 — URL: <https://psyarxiv.com/b7crx/> (accessed: 11.07.2024)
9. Le Texier T. Histoire d'un mensonge: Enquête sur l'expérience de Stanford [Story of a Lie: Investigating the Stanford Experiment] / T. Le Texier. — Paris: Zones. 2018. — 294 p. [in French]
10. Egorov D.G. Vopros ob istochnike i osnovah morali kak kljuchevoj aspekt psihokorreksionnoj raboty v penitentsiarnoj sisteme [The question of the source and foundations of morality as a key aspect of psycho-correctional work in

the penitentiary system] / D.G. Egorov, V.A. Romanov // Society: philosophy, history, culture. — 2020. — 6. — p. 26-29. — DOI: 10.24158/fik.2020.6.4. [in Russian]